

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Даниэль Северин

Дом, который помнит

«Автор»

2026

Северин Д.

Дом, который помнит / Д. Северин — «Автор», 2026

«Дом, который помнит» Даниэль Северин | Мистический детектив. Некоторые дома хранят тайны. Другие не позволяют о них забыть. Спустя почти тридцать лет после загадочного исчезновения младшей сестры Мэри бывший детектив Скотленд-Ярда Элизабет Блэквуд получает письмо, которое заставляет её вернуться в старинный особняк Эшкрофт-холл. Здесь часы остановились на 03:17, за стенами слышатся странные голоса, а прошлое оказывается совсем не таким, каким его помнят свидетели. Старинные дневники, исчезнувшие документы и опасные семейные секреты постепенно открывают Элизабет страшную правду. Но чем ближе разгадка, тем сильнее сомнения: можно ли доверять собственным воспоминаниям? Чтобы найти сестру, ей придётся раскрыть тайну дома, который помнит всё. Даже то, что люди предпочли забыть. Атмосферный мистический детектив о семейных тайнах, предательстве и памяти, способной изменить судьбу.

© Северин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Девочка за закрытой дверью	5
Глава 1. Письмо, которого не должно	7
Глава 2. Город, в котором помнят	9
Глава 3. Архивист	11
Глава 4. Эшкрофт-холл	14
Глава 5. Инспектор с чужим	17
Глава 6. Голос на магнитной ленте	19
Глава 7. Садовник, который исчез	21
Глава 8. Две детские комнаты	24
Глава 9. Гувернантка	26
Глава 10. Письмо из Уитби	28
Глава 11. Дом у гавани	30
Глава 12. Письмо без подписи	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Даниэль Северин

Дом, который помнит

Пролог. Девочка за закрытой дверью

Эшкрофт-холл, 17 октября 2003 года.

В ту ночь дождь стучал по высоким окнам особняка, а старые часы в библиотеке показывали 03:17. Их механизм давно использовали для опытов со звуком, и никто уже не мог уверенно сказать, когда стрелки остановились впервые.

Элеонора Эшкрофт сидела за письменным столом. Перед ней лежала фотография двух девочек на ступенях дома. Старшая, Элизабет, улыбалась. Младшая, Мэри, держала игрушечного кролика с оторванным ухом.

Шестнадцатого октября к ней приезжала женщина, называвшая себя Элис Мортон. Элеонора узнала в ней Мэри, которую много лет назад увезли из дома. Встреча заставила её наконец подготовить письмо Элизабет.

«Дорогая Элизабет. Я понимаю, что у тебя нет причин доверять мне. Твоя сестра не погибла. Мы скрыли правду, и я слишком долго молчала».

Из коридора донёсся скрип. Элеонора подняла голову.

— Артур?

Никто не ответил. За стеной раздались три удара, пауза и ещё три. Так когда-то переговаривались девочки, запертые в соседних комнатах. Теперь этот звук мог передаваться по трубам из любой части дома.

Она положила письмо в конверт и достала небольшой серебряный ключ. С его помощью можно было открыть ящик, где хранились старые журналы и записи.

Днём Ричард Харкорт потребовал изменить завещание.

Элеонора отказалась. Теперь она намеревалась передать бумаги независимому адвокату.

К вечеру ей стало плохо. Она всё же попыталась закончить письмо, но руки дрожали. Артур заглянул в библиотеку и предложил вызвать врача.

— Позже, — ответила Элеонора. — Сначала уберите документы туда, где их не найдут.

Ночью её состояние ухудшилось. Артур вызвал доктора в 23:40. Элеонора умерла, несмотря на оказанную помощь. Врач связал смерть с заболеванием сердца. О том, мог ли кто-либо ускорить ухудшение, тогда не проводили отдельного расследования.

Утром конверта на столе не оказалось. Исчез и серебряный ключ. А на внутренней стороне двери кто-то оставил мелом надпись: «ОНА ПОМНИТ НЕ ВСЁ».

Тот, кто написал эти слова, знал о девочках больше, чем хотел признать.

Глава 1. Письмо, которого не должно

Лондон, 12 октября 2026 года.

Элизабет Блэквуд проснулась от звука дождя. Ей снова снился длинный коридор с деревянными панелями и портретами на стенах. В его конце стояла девочка в красном платье. Из-за закрытой двери доносились три коротких удара.

После четырнадцати лет работы детективом она умела отличать факты от фантазий. Но собственное детство оставалось делом, в котором не хватало главных показаний. В половине девятого курьер принёс плотный конверт без обратного адреса. На сургучной печати был изображён ворон на ветке ясеня.

Внутри лежали письмо, старая фотография и серебряный ключ.

На снимке стояли две девочки. Элизабет узнала себя — десятилетнюю, в голубом платье. Рядом стояла семилетняя Мэри, её младшая сестра.

Мать говорила, что Мэри погибла в несчастном случае.

Но никогда не рассказывала, что именно случилось.

Элизабет развернула письмо.

«Дорогая Элизабет. Ты должна вернуться в Рейвенсфорд. В ночь исчезновения Мэри в особняке находились семь человек. Шестеро солгали полиции. Седьмой исчез. Найди комнату за библиотекой. Если услышишь голос Мэри, не открывай дверь, пока не узнаешь, кто находится по другую сторону. Элеонора Эшкрофт».

Подпись сопровождала дата: 16 октября 2003 года.

Поиск в интернете подтвердил: Элеонора умерла на следующий день.

Элизабет позвонила матери.

— Мам, ты помнишь Элеонору Эшкрофт?

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне пришло письмо от неё. О Мэри.

— Уничтожь его, — сказала Маргарет после долгого молчания.

— Почему?

— Потому что эта женщина разрушила нашу семью.

— Тогда расскажи, что случилось.

— Обещай, что не поедешь в Рейвенсфорд.

Элизабет посмотрела на серебряный ключ.

— Почему?

— Потому что в тот раз мы едва не потеряли обеих дочерей.

Связь оборвалась.

Из коробки со старыми документами Элизабет достала газетную вырезку за 18 октября 1997 года. Заголовок

гласил: «Загадочное исчезновение ребёнка в старинном поместье».

Если Мэри погибла, почему газета писала об исчезновении?

Утром Элизабет решила ехать на север.

Глава 2. Город, в котором помнят

К тому времени, когда Элизабет увидела первый указатель на Рейвенсфорд, дождь превратился в мелкую холодную морось. За каменными оградами тянулись пастбища; овцы стояли неподвижно, словно вырезанные из серого картона. Дорога шла вниз между двумя холмами, и город возник внезапно: узкие крыши, колокольня и тёмная полоска реки, огибающей старую мельницу.

Она остановилась у моста. Вода под ним была высокой и мутной. В памяти вспыхнуло странное воспоминание: детская ладонь, прижатая к холодному камню парапета, и женский голос: «Не оглядывайся». Элизабет попыталась удержать картину, но та распалась.

Гостиница «Королевский олень» стояла на рыночной площади. Над дверью поскрипывала вывеска, а из трубы поднимался дым. За стойкой пожилая женщина в шерстяном кардигане заполняла бухгалтерскую книгу.

— Комнату? — спросила она.

— На три ночи. Возможно, дольше.

— Имя?

— Элизабет Блэквуд.

Перо остановилось над страницей.

— Дочь Маргарет?

— Вы её знаете?

— Знала. Меня зовут Агнес Пембертон. В маленьком городе фамилии живут дольше людей.

Агнес протянула ключ от шестого номера. На медной бирке были заметны царапины. Элизабет уже поднялась на первую ступень, когда хозяйка негромко произнесла:

— Вы приехали из-за Мэри.

Это не было вопросом.

Элизабет обернулась.

— Что вам известно?

— Достаточно, чтобы не советовать вам ехать в поместье ночью.

— Все повторяют одно и то же. Почему?

Агнес оглянулась на дверь кухни.

— Потому что в октябре 1997 года люди видели то, чего не могли объяснить. А потом решили, что удобнее ничего не видеть.

— Вы были свидетелем?

— Я видела вашу мать на следующее утро. Она стояла у полицейского участка в чужом пальто и держала два детских ботинка. Один был синий, другой красный.

— Что это значит?

— Не знаю. Но она повторяла: «Они перепутали». Больше

ничего.

В комнате Элизабет раскрыла чемодан, положила письмо Элеоноры на письменный стол и сфотографировала каждую страницу. Потом позвонила матери. Вызов ушёл на голосовую почту.

Она оставила короткое сообщение: «Я в Рейвенсфорде. Мне нужна правда, мама. Не ещё одна история, которую ты придумала ради моего спокойствия».

Вечером Элизабет вышла на площадь. Над лавками загорались жёлтые лампы. В витрине антикварного магазина она заметила старинную фотографию Эшкрофт-холла. На снимке особняк выглядел почти праздничным: белые дорожки, садовники, открытые окна. На обороте ценника было написано: «1908 год. Северное крыло до перестройки».

Она вошла в магазин. Продавец, сухощавый мужчина в жилете, выслушал её вопрос и достал увеличительное стекло.

— Посмотрите на третий этаж, мисс. Видите? На старых снимках пять окон. Сейчас их четыре.

— Одно заложили?

— Так говорит муниципальный план. Но никто не может объяснить, почему с внутренней стороны стена тоньше на целый ярд.

Он назвал себя Томасом Ридом и отказался продавать фотографию.

— Возьмите копию, — сказал он. — Оригинал уже обещан человеку, который приходил вчера.

— Кому?

Томас замялся.

— Он не представился. Оставил задаток и велел сказать, что вернётся, когда приедет женщина из Лондона.

На улице зазвонили церковные колокола. Элизабет посмотрела на часы: было только шесть. Но ей почудилось, что звонов прозвучало три, а затем ещё семнадцать, слишком быстрых, чтобы сосчитать.

В гостинице её ожидал конверт без подписи. Внутри лежала фотокопия страницы из журнала посетителей Эшкрофт-холла. Под датой 16 октября 1997 года стояли семь фамилий. Последняя была подчёркнута красным.

Блэквуд, Маргарет.

Рядом кто-то приписал карандашом: «Она пришла второй раз после полуночи».

Элизабет долго смотрела на строчку. Её мать утверждала, что в ту ночь ни на минуту не отходила от дочерей. И теперь впервые появилась причина проверить не только чужую, но и материнскую версию событий.

Глава 3. Архивист

Утром Элизабет нашла городскую библиотеку на Черч-стрит. Это было невысокое каменное здание с узкими окнами и дверью, которая тяжело подалась под её рукой. Внутри пахло мокрыми пальто, пылью и клеем старых переплётów.

За столом у окна сидел мужчина с растрёпанными тёмными волосами. Он делал пометки на полях плана здания и не сразу поднял голову.

— Майкл Грей? — спросила Элизабет.

— Смотря кто интересуется.

— Элизабет Блэквуд.

Мужчина снял очки.

— Я ждал вас, хотя надеялся, что вы не приедете.

— Кто вас предупредил?

— Никто. Три дня назад мне прислали копию письма Элеоноры Эшкрофт. Без объяснений. Там было ваше имя. Он выдвинул ящик и положил перед ней папку. Внутри находились газетные заметки, планы этажей и листы из домово́й книги.

— Я занимаюсь историей Эшкрофт-холла пять лет, — сказал Майкл. — Сначала меня интересовала архитектура. Потом я обнаружил, что в разные годы там пропадали документы о людях, которые официально продолжали жить в городе.

— Пропадали люди или документы?

— Иногда и то и другое. Но в газетах об этом не писали. В 1954 году исчезла служанка по имени Роуз Уитли. Через неделю её подпись появилась в платёжной ведомости. В 1974 году пропал ночной сторож. Его зарплату получали ещё три месяца.

— Подписи могли подделать.

— Именно. И я пытаюсь понять, кто это делал и зачем.

Майкл развернул план особняка. Он положил рядом две копии: одну датированную 1887 годом, другую — 1955-м.

— Смотрите. Между библиотекой и западной лестницей находился узкий служебный проход. На позднем плане его нет. При этом площадь библиотеки не увеличилась. Значит, пространство осталось, но вход перенесли или скрыли.

— Письмо Элеоноры упоминает комнату за библиотекой.

— Тогда нам следует найти её до того, как кто-то уничтожит следы.

Элизабет достала лист из журнала посетителей.

— Вы знаете, что это?

Майкл изучил запись и неожиданно нахмурился.

— Это не журнал гостей. Это журнал ночного персонала.

Видите маленькую букву «R» рядом с датой? Так отмечали повторный вход через служебную калитку.

— Моя мать вернулась после полуночи?

— Судя по записи, да. Но надо установить, кто её сделал.

Почерк похож на почерк Виктора Харрингтона, управляющего поместьем.

— Он ещё жив?

— Живёт на окраине, возле старой каменоломни. Он почти не принимает гостей.

Элизабет посмотрела на фамилии. Всего их было семь.

Среди них — Маргарет Блэквуд, Элеонора Эшкрофт, Виктор Харрингтон, доктор Генри Уэллс и ещё трое.

— Кто такой доктор Уэллс?

— Семейный врач Эшкрофтов. Умер в 2011 году. Его архив передали больнице, но часть записей исчезла до передачи.

— А остальные?

— Один садовник, одна гувернантка и инженер, нанятый для ремонта отопления. Последнего звали Чарльз Фенвик. Именно он пропал без вести той осенью.

— Значит, семеро присутствовали, шестеро солгали, а седьмой исчез, — тихо произнесла Элизабет.

Майкл поднял глаза.

— Откуда вы знаете эту формулировку?

Она показала письмо.

Он прочитал его дважды.

— Тогда дело серьезнее, чем я думал.

— Почему?

— Потому что вчера ночью кто-то проник в архив. Не взял деньги и не тронул технику. Только одну папку.

— Какую?

— «Фенвик, Чарльз. Проект реконструкции западного крыла».

Элизабет закрыла письмо.

— Кто знал, что папка у вас?

— Я, городской совет и человек, который недавно просил сделать копию.

— Его имя?

Майкл медленно ответил:

— Инспектор Джеймс Уитмор.

В это мгновение в коридоре скрипнула половица. Они оба обернулись. За матовым стеклом двери промелькнула тень.

Майкл поспешил к выходу, но коридор был пуст. На полу лежала карточка из старого библиотечного каталога. На обороте чернилами было написано: «Не верьте времени на часах».

Элизабет подняла карточку за край платка.

— Вызывайте полицию, — сказала она. — И никому пока

не говорите о письме.

— Даже Уитмору?

— Особенно ему. Пока мы не выясним, кто пользовался украденными чертежами.

Глава 4. Эшкрофт-холл

К воротам поместья они приехали после полудня. За ржавой решёткой тянулась длинная аллея, заросшая травой. По обе стороны стояли вековые ясени, ветви которых смыкались над дорогой. Сквозь туман проступали очертания особняка: тёмный камень, башенка над западным крылом и ряд высоких окон. Элизабет вышла из машины и некоторое время не двигалась. Дом был больше, чем она помнила, и в то же время удивительно знаком. Особенно два узких окна над парадной лестницей.

— Вы в порядке? — спросил Майкл.

— Мне кажется, я уже стояла здесь. С Мэри.

— Вы действительно здесь были.

— Я имею в виду сегодня. Как будто это уже случилось.

Майкл ничего не ответил. Он открыл калитку ключом, полученным от городского совета. Поместье находилось под охраной как исторический объект, хотя денег на его содержание почти не выделяли.

Внутри пахло холодным камнем, воском и сыростью. Их шаги отдавались под высоким потолком. Портреты прежних владельцев смотрели из тяжёлых рам. В конце коридора висело зеркало, покрытое серым налётом.

— Библиотека налево, — сказал Майкл.

Комната сохранила величие даже в запустении. От пола до потолка тянулись шкафы из тёмного дерева. В камине лежал старый пепел, на подоконнике стояли часы под стеклянным колпаком.

Стрелки показывали 03:17.

— Их заводили? — спросила Элизабет.

— По словам управляющего, механизм не работает двадцать три года.

Элизабет осмотрела северную стену. За книжными полками обнаружились тонкие следы недавней уборки: пыль была нарушена на высоте плеча. Она провела ладонью по деревянной раме и почувствовала едва заметную щель.

— Кто-то двигал этот шкаф.

Майкл помог отодвинуть нижнюю секцию. За ней открылось железное кольцо, вделанное в стену. Элизабет потянула. Деревянная панель сдвинулась, обнажив узкий проход.

Воздух за ней был неожиданно сухим.

Они включили фонари.

Проход вёл к небольшой комнате без окон. На полу стоял деревянный сундук. У стены — письменный стол и детский стул. Над столом висела карта поместья с

отмеченными красным чернилами вентиляционными каналами.

— Это не похоже на тайную часовню или семейный склеп, — заметил Майкл. — Скорее на техническое помещение.

Элизабет осмотрела стол. В одном из ящиков лежала коробка с магнитофонными кассетами. На наклейках значились даты: 15, 16 и 17 октября 1997 года.

— Нам понадобится проигрыватель.

— У меня в архиве есть.

Она достала ещё одну находку — детский рисунок. Две девочки держались за руки перед домом. У третьего окна стоял человек без лица. Под рисунком неровным почерком было выведено: «Это не тот дядя».

Элизабет узнала рисунок. Она помнила запах восковых карандашей и раздражение, с которым взрослый велел ей перестать рисовать.

— Это сделала я, — сказала она.

Майкл посмотрел на неё.

— Вы уверены?

— Абсолютно. У Мэри были красные карандаши, а у меня

— зелёные. Мы всё время ссорились из-за них.

Вдруг из глубины прохода послышались три лёгких удара.

Майкл поднял фонарь.

— Кто там?

Никто не ответил.

Элизабет присела и увидела возле стены маленькую металлическую решётку. За ней уходила вниз узкая шахта.

Стук повторился.

На этот раз она услышала не голос, а скрип металла, будто кто-то передвигал старый механизм.

— Звук может передаваться по трубам, — сказала она. —

В этом доме наверняка была сложная система отопления.

— А кто её сейчас включает?

Вопрос остался без ответа.

Когда они вернулись в библиотеку, дверь в коридор оказалась закрыта. Элизабет нажала на ручку. Замок не поддался.

С другой стороны послышались шаги.

— Кто здесь? — громко спросила она.

Шаги остановились.

Затем незнакомый мужчина спокойно произнёс:

— Мисс Блэквуд, вам не следовало приезжать без предупреждения.

— Назовитесь.

— Инспектор Уитмор. И я советую вам немедленно отойти от двери.

Майкл встретился с ней взглядом. Они не знали, действительно ли за дверью стоял инспектор. А затем снаружи раздался отчётливый щелчок затвора фотоаппарата. Кто-то фотографировал их через замочную скважину. Элизабет отступила на шаг. В её памяти вдруг возникло лицо мужчины, который стоял возле детской комнаты двадцать девять лет назад. Она не могла вспомнить его имени, но помнила одну деталь: на правой руке у него отсутствовал кончик мизинца. Именно эту руку она успела увидеть в щели под дверью, прежде чем шаги удалились.

Глава 5. Инспектор с чужим

Дверь библиотеки открылась через несколько минут. На пороге стоял высокий мужчина в сером пальто, с коротко подстриженными волосами и лицом, на котором почти не отражались эмоции. Он показал удостоверение.

— Инспектор Джеймс Уитмор. Полиция Северного Йоркшира. Кто из вас Элизабет Блэквуд?

— Я. Почему дверь была заперта?

— Потому что я запер её, — ответил инспектор. — В доме с неисправными перекрытиями посторонним находиться опасно.

Элизабет внимательно посмотрела на его руки. Все пальцы были целы. Значит, человек, которого она увидела под дверью, был не Уитмор — или воспоминание обмануло её.

— Вы фотографировали нас?

— Нет.

— Тогда кто находился здесь вместе с вами?

— Я приехал один.

Майкл шагнул вперёд:

— Инспектор, кто-то похитил из городского архива планы западного крыла. Вы последним запрашивали их.

— И это делает меня подозреваемым? — Уитмор говорил спокойно, но уголки его рта напряглись.

— Это делает вас человеком, который может помочь установить, кто имел доступ, — ответила Элизабет.

Инспектор осмотрел открытую панель книжного шкафа и сдвинул брови.

— Вы взломали исторический объект.

— Дверь была незаперта, — возразил Майкл. — Точнее, скрыта.

— Тем хуже. Я должен попросить вас покинуть поместье.

Элизабет показала найденные кассеты.

— Мы нашли записи, которые могут относиться к исчезновению моей сестры. Я намерена передать их полиции, но сначала хочу получить расписку.

Уитмор взглянул на кассеты слишком быстро.

— Откуда вы знаете, что они относятся к делу?

— На них даты. И вы сейчас подтвердили, что это дело всё ещё вас интересует.

Инспектор выдержал паузу.

— Дело Мэри Блэквуд закрыто как предполагаемый несчастный случай.

— Тогда почему вы приехали, едва мы вошли в библиотеку?

— Сработал датчик движения.

Элизабет посмотрела на стену. Старый датчик под потолком был покрыт паутиной, провод уходил в треснувшую штукатурку.

— Кто обслуживает систему?

— Это выясним позже.

На обратном пути Майкл молчал. Лишь у ворот он остановился и достал из кармана маленький предмет — латунную пластинку с выбитым номером 17.

— Нашёл возле решётки в тайной комнате. Не хотел показывать при инспекторе.

— Почему?

— Потому что точно такую же пластинку я видел на фотографии старого шахтного лифта. Его разобрали в 1954 году. По документам.

Элизабет взяла пластинку. На обратной стороне была выцарапана буква «М».

— Это может быть что угодно, — сказала она.

— Да. Но я бы начал с вопроса, куда вёл лифт.

В машине Элизабет проверила телефон. От матери пришло единственное сообщение: «Не ищи Мэри в доме. Ищи тех, кто заставил нас поверить, что она осталась там».

Это было первое признание Маргарет, что официальная версия не выдерживала проверки.

Глава 6. Голос на магнитной ленте

Вечером они вернулись в архив. Майкл поставил на стол старый кассетный магнитофон, проверил ремень привода и осторожно вставил первую кассету. На наклейке значилось: «16.10.97. Ночь».

Из динамика послышалось шипение. Затем раздался мужской голос:

— Проверка канала номер три. Время двадцать три сорок восемь. Доктор Уэллс просит повторить процедуру.

Следом прозвучал другой голос, более низкий:

— Не называйте это процедурой. Это эксперимент, и я не давал согласия на участие детей.

— Мистер Фенвик, вы подписали договор.

— Я подписал договор на ремонт вентиляции.

Элизабет замерла. Чарльз Фенвик — инженер, пропавший в ту же ночь.

На плёнке что-то стукнуло. Послышались шаги и короткий женский вскрик.

— Где девочки? — спросил Фенвик.

— Одна с матерью, — ответил первый мужчина.

— А вторая?

После паузы кто-то произнёс:

— Вторая должна остаться до утра.

Запись оборвалась.

Майкл посмотрел на Элизабет.

— Значит, это была не случайность.

— Пока мы знаем только, что взрослые скрывали какую-то деятельность, — сказала она. — Не подменяй доказательства догадками.

Он кивнул и вставил вторую кассету. На ней слышались механические звуки, шорох бумаги, затем голос Элеоноры Эшкрофт:

— Я запрещаю использовать семейные комнаты. Если хотите продолжать, убирайтесь в старое крыло.

Мужчина ответил:

— После сегодняшнего результата вы не сможете просто закрыть проект.

— Мне плевать на ваш проект. Ребёнок испуган.

Затем прозвучало имя:

— Мэри.

Элизабет закрыла глаза. Детский голос на плёнке был слабым, но отчётливым:

— Я хочу к Лиззи.

Она едва удержалась, чтобы не остановить воспроизведение.

— Это она, — сказала Элизабет. — Я помню, как она меня называла.

— Кто ещё знал это прозвище?

— Семья. Возможно, няня. Но не посторонние.

Третья кассета оказалась повреждённой. Между провалами звука различались слова «лестница», «нижний коридор» и «подмена». Потом прозвучал звонок часов — три удара и ещё один, словно механизм заело.

Майкл выключил аппарат.

— Что они пытались сделать?

— Не знаю. Но теперь ясно, что загадочные звуки могли передаваться через вентиляцию. Это объясняет голос за стеной.

— А почему в письме Элеоноры сказано не открывать дверь?

— Потому что за ней мог быть не тот, за кого себя выдавал.

Они ещё раз прослушали первую запись. На заднем плане, почти неслышно, женщина произнесла: «Не трогайте красную ленту». Майкл увеличил громкость, и Элизабет узнала голос матери.

Она вытащила из сумки фотографию сестёр. В волосах Мэри была завязана красная лента.

— Это не случайная деталь, — сказала она.

Майкл заметил на столе оборот фотографии. На ней карандашом было написано: «Передача — 17 октября. Шесть утра».

— Передача чего? — спросил он.

Элизабет долго не отвечала. Затем достала блокнот и написала три вопроса: кто финансировал эксперимент, зачем нужны были дети и почему мать скрывает второе посещение особняка.

Она понимала: прежде чем искать призраков, надо найти живых людей, которые много лет охраняли чужую тайну.

Глава 7. Садовник, который исчез

На следующее утро Рейвенсфорд проснулся под тяжёлым серым небом. Элизабет отправилась к Виктору Харрингтону, бывшему управляющему Эшкрофт-холла. Его дом стоял возле заброшенной каменоломни, за высокой изгородью из тиса.

Дверь открыл худой старик в вязаном жилете. Он посмотрел на Элизабет и сразу отвёл взгляд.

— Я вас не знаю.

— Вы знали мою сестру.

Старик попытался закрыть дверь, но остановился.

— Мэри?

— Да.

Он долго молчал, затем отступил в сторону.

В гостиной пахло углём и крепким чаем. На каминной полке стояли фотографии детей и внуков. Элизабет заметила среди них пожелтевший снимок Эшкрофт-холла. Возле западного крыла стояли четверо мужчин.

— Кто это? — спросила она.

— Рабочие.

— Один из них Чарльз Фенвик?

Виктор поставил чашку так резко, что чай выплеснулся на блюдце.

— Не произносите это имя.

— Почему?

— Потому что однажды я уже произнёс его при полиции.

После этого исчез мой брат.

Элизабет достала блокнот.

— Ваш брат?

— Артур Харрингтон. Садовник. В официальных бумагах он уехал в Шотландию. Но я видел его в Рейвенсфорде через три месяца после исчезновения.

— Вы говорили с ним?

— Он прошёл мимо и сделал вид, что не узнаёт меня. На следующий день я получил письмо с его подписью. В нём он просил никогда его не искать.

— Почему вы решили, что это был Артур?

— У него была травма руки. Не хватало кончика мизинца.

Элизабет почувствовала холод в груди. Мужчина из её детского воспоминания существовал.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Но две недели назад кто-то оставил на моём крыльце его старый садовый нож. Я узнал рукоятку, которую сам чинил.

— Вы сохранили его?

— Передал инспектору Уитмору.

Элизабет сделала пометку.

— Виктор, что находилось под западным крылом?

Старик побледнел.

— Вы уже нашли дверь?

— Одну. Возможно, есть и другие.

Он подошёл к окну, отодвинул занавеску и долго смотрел на пустую дорогу.

— В старые времена там был грузовой подъёмник. По нему доставляли уголь. Потом доктор Уэллс приказал переоборудовать нижние помещения. Говорил, что это для хранения медицинского оборудования.

— Какого оборудования?

— Не знаю. Я не был допущен.

— Но вы вели журнал ночного персонала.

— Да.

— Моя мать вернулась в поместье после полуночи?

Виктор закрыл глаза.

— Она пришла не одна.

— С кем?

— С человеком, которого все считали пропавшим.

— С Фенвиком?

— Нет. С моим братом.

Элизабет медленно положила ручку.

— Зачем?

— Он сказал, что знает, как вывести девочку. Но для этого Маргарет должна была согласиться на сделку.

— Какую сделку?

Виктор повернулся к ней. На лице старика было столько усталости, что он вдруг показался совсем маленьким.

— Она должна была выбрать, какую дочь забрать первой.

Элизабет не сразу поняла смысл его слов.

— Вы хотите сказать, что обе девочки находились внизу?

— Я не видел, — прошептал Виктор. — Я слышал только крики. А утром вашу мать увезли, и она повторяла, что одна из дочерей уже была дома.

— Какая?

Старик опустил глаза.

— Вот этого я так и не узнал.

В прихожей зазвонил телефон. Виктор вздрогнул и не двинулся с места. Звонок повторился. На старом аппарате не было дисплея.

— Не отвечайте, — сказал он.

— Почему?

— Потому что после каждого такого звонка кто-нибудь приходит к моему дому.

Элизабет подняла трубку сама.

Несколько секунд слышался только шорох. Потом незнакомый мужской голос произнёс:

— Спросите у Харрингтона, почему на плане нижнего этажа две детские комнаты.

Связь оборвалась.

Виктор тяжело опустился в кресло.

— Он знает, что вы здесь, — сказал старик.

— Кто?

— Человек, который всегда приходит раньше полиции.

На обратном пути Элизабет получила сообщение от Майкла. Он нашёл старый страховой план поместья. Под западным крылом действительно были обозначены две комнаты, не соединённые между собой. Между ними располагалось помещение с пометкой «Наблюдение». Элизабет остановила машину на обочине. Теперь у неё было достаточно оснований считать, что исчезновение Мэри было связано с организованным экспериментом, а не с несчастным случаем. Но оставался самый тяжёлый вопрос: почему мать вернулась ночью с человеком, которого считали пропавшим, и кого она вывела из дома на рассвете?

Глава 8. Две детские комнаты

К вечеру дождь прекратился, но небо над Рейвенсфордом осталось низким. Элизабет сидела у окна гостиничного номера и сравнивала три плана Эшкрофт-холла. На чертеже 1887 года под западным крылом значились угольный склад и котельная. На плане 1954-го помещение было разделено перегородками. На страховой схеме 1996 года появились две комнаты, обозначенные буквами А и Б. Между ними находилась узкая смотровая галерея.

Майкл принёс увеличенные копии. Он разложил их на покрывале, прижав углы тяжёлыми книгами.

— Посмотри на размеры, — сказал он. — Эти комнаты совершенно одинаковые. Даже двери открываются в одну сторону.

— Для больничных палат это странно, — ответила Элизабет. — А для помещений наблюдения вполне логично. Но кто наблюдал и за чем?

Майкл показал ещё один лист. Ведомость расходов за октябрь 1997 года содержала записи о двух детских кроватях, настенных часах, микрофонах и звуконепроницаемых панелях. Заказ был оплачен благотворительным фондом «Меридиан».

— Фонд закрыли через четыре месяца после исчезновения Мэри, — сказал Майкл. — Его попечителем был доктор Генри Уэллс.

— А вторым попечителем?

— Элеонора Эшкрофт. Только она вышла из правления за неделю до трагедии.

Элизабет провела пальцем по строке с датой. Отказ Элеоноры от участия выглядел теперь не случайностью, а попыткой дистанцироваться от происходящего. Но почему она не обратилась в полицию? Возможно, боялась огласки. Возможно, её шантажировали. Или сама была причастна к тому, что уже невозможно было исправить.

Телефон Майкла завибрировал. Он прочёл сообщение и нахмурился.

— Агнес говорит, что возле гостиницы стоит машина без номеров спереди. Водитель уже час смотрит на окна. Элизабет подошла к занавеске. На противоположной стороне площади действительно стоял тёмный автомобиль. Его фары были выключены. За ветровым стеклом виднелся неподвижный силуэт.

— Не выходи, — сказал Майкл.

— И не собиралась. Если он следит, пусть думает, что мы ничего не заметили.

Они продолжили изучать бумаги. Среди квитанций нашлась запись о ремонте грузового подъёмника,

выполненном 15 октября 1997 года. Исполнитель — Чарльз Фенвик. В графе «Примечания» стояло: «Кабина должна останавливаться между уровнями».

— Между этажами? — спросил Майкл.

— Значит, там есть ещё одна площадка. Возможно, именно её нет на планах.

Поздно вечером Элизабет получила звонок с неизвестного номера. Она включила запись разговора.

— Мисс Блэквуд? — произнёс женский голос. — Я была гувернанткой в Эшкрофт-холле. Меня зовут Кэтрин Белл.

— Вы были там в октябре девяносто седьмого?

— Да. И я должна сказать вам кое-что до того, как меня найдут.

— Кто вас ищет?

Женщина не ответила.

— Вы помните красное платье вашей сестры? — спросила она.

— Помню.

— Тогда спросите у матери, почему утром она забрала из особняка девочку в синем.

Линия оборвалась. Элизабет прослушала последние слова ещё раз. Она сама на фотографии была в голубом платье. Но утром, о котором говорила гувернантка, ей никто не рассказывал.

Она посмотрела на Майкла.

— Мы должны найти Кэтрин Белл. И сделать это раньше человека в машине.

Глава 9. Гувернантка

Адрес Кэтрин Белл нашёлся в старом телефонном справочнике. Теперь она жила в небольшом доме возле железнодорожной станции, за лавкой часовщика. Когда Элизабет и Майкл подошли к калитке, сад был пуст, но в кухне горел свет.

На стук никто не ответил. Элизабет заметила, что дверь закрыта не до конца. Она позвонила в полицию и сообщила о возможной угрозе свидетельнице, затем осторожно заглянула внутрь.

— Мисс Белл? Это Элизабет Блэквуд. Мы говорили вчера. В доме было тихо. На кухонном столе стояли две чашки с недопитым чаем. Рядом лежал раскрытый альбом. На одной фотографии Кэтрин, молодая и серьёзная, стояла между двумя девочками у фонтана Эшкрофт-холла.

— Здесь кто-то был, — тихо сказал Майкл.

Элизабет не стала трогать предметы. Из соседней комнаты послышался слабый голос:

— Я здесь.

Кэтрин сидела в кресле у окна, закутавшись в шерстяной плед. Её руки дрожали.

— Он приходил, — сказала она. — Сказал, что вы никогда не должны узнать, что случилось с другой девочкой.

— С какой другой девочкой?

Кэтрин долго смотрела на Элизабет.

— В ту ночь обеих сестёр разлучили. Одну держали в комнате А, другую — в комнате Б. Доктор Уэллс говорил, что изучает память и реакцию на знакомые голоса. Он хотел проверить, можно ли заставить ребёнка принять чужие воспоминания за свои.

— Каким способом?

— Записями, рассказами, повторением одних и тех же сцен. Иногда детей будили ночью и задавали вопросы. Я думала, это психологическое исследование. Потом поняла, что никто не спрашивал у девочек согласия.

Майкл осторожно спросил:

— А исчезновение Мэри?

— Когда пропало электричество, открылись не все двери. В нижнем коридоре был дым, но пожара не случилось. Я слышала, как Маргарет кричала, чтобы ей отдали обеих дочерей. Фенвик пытался запустить подъёмник вручную.

— Вы видели, кого вывели?

— Я видела девочку в синем платье. Она была почти без сознания. Маргарет держала её на руках. Позже мне сказали, что это Элизабет.

— А Мэри?

Кэтрин закрыла лицо руками.

— Её я больше не видела. Но спустя месяц получила письмо. Там был рисунок кролика Оливера и слова: «Я не забыла лестницу».

— Вы сохранили письмо?

— Да. Оно в альбоме, под фотографией.

Элизабет открыла альбом на указанной странице. Между листами лежал пожелтевший конверт. Почтовый штемпель был из Уитби. На обороте кто-то аккуратно написал: «Для мисс Белл. Не показывайте доктору».

Кэтрин подняла голову.

— Я думала, девочка жива. И молчала, потому что надеялась: однажды она вернётся.

— Почему не рассказали полиции?

— Я пыталась. Но инспектор, который приехал, сказал, что мои слова навредят семье. А через неделю я потеряла работу.

На улице остановилась полицейская машина. Элизабет вышла встретить сотрудников. Из автомобиля первым вышел Джеймс Уитмор.

— Вы опять оказались там, где происходят странные вещи, мисс Блэквуд, — заметил он.

— Я нашла свидетеля по старому делу. Она получила угрозы. Прошу оформить её показания и обеспечить безопасность.

Инспектор взглянул на окно.

— Я знаю Кэтрин Белл. Она много лет рассказывает одну и ту же историю.

— Тогда у вас должна быть её запись в материалах дела.

Уитмор промолчал.

— Её нет, верно? — спросила Элизабет.

Он посмотрел на неё с неожиданной усталостью.

— Не всё, что исчезает из архива, исчезает случайно.

Это прозвучало почти как предупреждение.

Глава 10. Письмо из Уитби

На следующее утро Элизабет получила разрешение сфотографировать письмо, найденное у Кэтрин Белл. Она разложила снимки на столе в библиотеке и попросила Майкла принести образцы детского почерка из семейных архивов.

Письмо состояло всего из двух предложений: «Я помню лестницу. Скажите Лиззи, что я ждала её у двери». Рядом был нарисован кролик с одним опущенным ухом.

— Подписи нет, — заметил Майкл.

— И почерк мог подделать взрослый. Но деталь с кроликом известна очень немногим.

— Тому, кто готовил записи для эксперимента, она тоже могла быть известна.

Элизабет кивнула. Именно поэтому она не позволяла себе назвать письмо доказательством того, что Мэри была жива после исчезновения. Оно подтверждало лишь то, что кто-то хотел, чтобы Кэтрин в это поверила.

Майкл вернулся с регистрационными книгами фонда «Меридиан». В одной из них он нашёл платежи небольшому пансиону в Уитби. С ноября 1997 года по март 1998-го деньги перечислялись ежемесячно, с пометкой «Содержание М. Б.».

— Это может быть Мэри Блэквуд, — сказал он.

— А может, совершенно другой человек. Нам нужны документы пансиона.

Они позвонили в городской архив Уитби. Сотрудница сообщила, что пансион закрылся много лет назад, но его регистрационные книги частично сохранились. Для доступа требовался официальный запрос. Элизабет отправила его от собственного имени и приложила описание дела.

Вечером она всё же дозвонилась до матери.

— Мне рассказали про две комнаты, — сказала Элизабет без приветствия.

Маргарет молчала.

— И про девочку в синем платье. Кого ты вынесла из дома?

— Тебя.

— Ты уверена?

— Я знала своего ребёнка, Элизабет.

— Тогда почему ты не дала показания о второй комнате?

Слышалось только дыхание.

— Потому что меня заставили выбирать между правдой и твоей безопасностью, — наконец ответила Маргарет.

— Кто заставил?

— Генри Уэллс. Он сказал, что если мы расскажем об опытах, тебя снова заберут на обследование. А я уже не

могла вынести ещё одного дня без тебя.

— Почему ты верила ему?

— Потому что тогда я не знала, кому ещё можно верить.

Элизабет присела на край кровати.

— Мама, ты видела Мэри после той ночи?

— Нет, — ответила Маргарет. — Но однажды мне прислали фотографию. Девочка стояла у моря спиной к камере. На ней было красное пальто. Я никогда не узнала, была ли это она.

— Где фотография?

— Я сохранила её. В конверте с документами отца. Я привезу его.

— Ты собираешься приехать?

— Да. Я слишком долго позволяла другим рассказывать нашу историю.

После разговора Элизабет долго сидела неподвижно.

Впервые за много лет мать не попыталась закончить беседу запретом. Но правды всё ещё было недостаточно.

Перед сном Элизабет снова прослушала запись, сделанную в подземной комнате. На заднем плане слышался едва заметный металлический щелчок. Она сравнила его со звуком из библиотечного прохода. Совпадение было удивительным.

Если механизм продолжал работать в 2026 году, значит, кто-то обслуживал его. А если кто-то обслуживал его, тайна Эшкрофт-холла не принадлежала одному лишь прошлому.

В половине третьего ночи под дверью номера появился сложенный лист бумаги. Элизабет услышала шорох и успела открыть дверь, но коридор был пуст.

На листе было написано: «Не приезжайте в Уитби. Сначала проверьте, кто заплатил за похороны Чарльза Фенвика».

Элизабет перечитала записку. Фенвик считался пропавшим без вести. О его похоронах никто никогда не говорил.

Она достала блокнот и открыла новую страницу.

Вопрос теперь был не только в том, куда исчезла Мэри.

Кто-то тщательно выстраивал вокруг её исчезновения целую сеть ложных следов — и один из этих следов, возможно, вёл к могиле человека, которого официально никто не хоронил.

Глава 11. Дом у гавани

Уитби встретил их запахом соли, мокрыми ступенями и криком чаек. Низкие облака цеплялись за развалины аббатства на холме, а в гавани покачивались рыбацкие лодки. Элизабет вышла из машины, плотнее запахнула пальто и ещё раз посмотрела на адрес, найденный в бумагах бывшей гувернантки: Харбор-лейн, дом восемь.

— По документам здесь жила женщина по имени Мэри Эллис, — сказал Майкл. — С 1998 по 2001 год. Потом запись обрывается.

— Моей сестре было бы восемь, когда она появилась здесь. Не могла же она жить одна.

— Поэтому мы и приехали.

Дом стоял между лавкой снастей и закрытой пекарней. Окна первого этажа были занавешены, дверной молоток изображал голову льва. На третий стук ответила пожилая женщина с короткими белыми волосами. Она представилась Кэтрин Белл.

— Я не сдаю комнаты, — сказала она прежде, чем Элизабет успела открыть рот.

— Мы ищем сведения о прежних жильцах. О девочке по имени Мэри.

Кэтрин перевела взгляд с Элизабет на Майкла.

— У нас здесь много Мэри.

— Эта приехала осенью девяносто седьмого года.

Возможно, с женщиной, которая называла себя её тётёй. Лицо хозяйки стало неподвижным.

— Входите. Не стоит обсуждать детей на улице.

В тесной гостиной горел электрический камин. На полках стояли фарфоровые птицы. Кэтрин предложила чай, но сама не притронулась к чашке.

— Я работала медсестрой, — начала она. — Однажды ко мне привезли ребёнка, который не говорил. Не потому, что не умел. Она боялась, что её услышат. Женщина, привёзшая её, сказала, что девочка пережила несчастный случай.

— Как звали женщину?

— Сара Кларк. Так было написано в документах. Но однажды я услышала, как её называли совсем иначе: миссис Харрингтон.

Элизабет выпрямилась.

— Вы уверены?

— Я запомнила. Сара резко обернулась и сказала мужчине, чтобы он никогда больше не произносил этого имени.

— Мужчине? — переспросил Майкл.

— Высокому, в тёмной куртке. У него была повреждена правая рука. Он приходил поздно вечером и не

задерживался.

Артур Харрингтон. Элизабет записала имя, хотя сердце уже подсказывало ответ.

— Девочка называла себя Мэри?

— Не сразу. Первые недели она говорила, что её зовут Лиззи.

Элизабет почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Почему?

— Не знаю. Когда я спросила, она ответила: «Лиззи должна была выйти первой». Потом замолчала на несколько дней. Кэтрин встала, подошла к старому секретеру и вынула из ящика конверт. Внутри лежал детский рисунок: море, лодка, два одинаковых силуэта на берегу. Над одним было написано «Я», над другим — «Она».

— Это осталось после их отъезда, — сказала Кэтрин. — Я хранила его, потому что ребёнок был несчастен. И потому что однажды ночью она проснулась и рассказала, что слышит сестру через стену. В этом доме нет общей стены с другой спальней.

Майкл осмотрел рисунок. В углу была изображена маленькая дверь с номером семнадцать.

— Мы нашли латунную пластинку с таким номером, — тихо сказал он.

Кэтрин побледнела.

— Тогда вы должны знать: у девочки была ещё одна вещь. Красная лента. Она никогда её не надевала, только держала под подушкой. Перед отъездом женщина сожгла ленту во дворе.

Элизабет посмотрела в окно. В переулке стоял мужчина с поднятым воротником. Он будто изучал витрину соседнего магазина, но витрина была заколочена.

— Когда они уехали? — спросила она.

— Весной две тысячи первого. Мужчина приехал на сером автомобиле. Я запомнила только часть номера. Но сохранила квитанцию за последний месяц. Там указан банк, с которого переводили деньги.

Элизабет попросила разрешения сфотографировать квитанцию. Кэтрин согласилась, а затем вдруг схватила её за руку.

— Вы похожи на ту девочку, — сказала она. — Только глаза у вас другие. У неё были такие же, как у человека, который её привёз.

Снаружи хлопнула автомобильная дверца. Элизабет бросилась к окну, но мужчина уже исчез. На мокром асфальте остался сложенный вдвое лист бумаги. На нём было напечатано: «Не путайте того, кто выжил, с тем, кто вернулся».

Она подняла лист за уголок. Это было не послание призрака. Бумага была свежей, а на сгибе виднелся след

дешёвого лазерного принтера. Кто-то живой следил за каждым их шагом.

Глава 12. Письмо без подписи

Вернувшись в Рейвенсфорд, Элизабет первым делом позвонила матери. На этот раз Маргарет ответила после первого гудка, словно сидела возле телефона.

— Ты ездила в Уитби, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Мне позвонили.

— Кто?

— Неважно. Возвращайся в Лондон.

— Я нашла женщину, которая ухаживала за ребёнком после исчезновения Мэри. Она утверждает, что девочка называла себя Лиззи. Объясни мне это.

На другом конце линии послышалось дыхание.

— Ты не должна была находить её.

— Маму я сейчас слышу или одного из тех шестерых, которые лгали полиции?

— Элизабет, я делала всё, чтобы ты осталась жива.

— А Мэри?

Маргарет долго молчала.

— Я приеду завтра, — наконец произнесла она. — И расскажу, что смогу. Но не встречайся до моего приезда с Уитмором.

Связь прервалась. Элизабет смотрела на экран, пока тот не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.